

Мое к. Рассветное море, 1984, №38

13 мая

БУДЕМ ЗНАКОМЫ, САЙДО КУРБАНОВ!

СТАРШИЕ в семьях, те, кто помнит старую ленту «Насреддин в Бухаре», наверняка были разочарованы, особенно поначалу. Таджикская трехсерийная картина «Гляди веселей», чья премьера выпала на конец предыдущей недели, явно отказывалась напоминать свою предшественницу.

Но надо ведь вспомнить, кем был для нас Ходжа Насреддин в удивительном исполнении Льва Свердлины. Одно его подмигивание приводило в иступленное веселье зрительный зал. А уж реплики вызвали настоящие взрывы хохота.

Те, кто любил читать, добрались и до «Возмутителя спокойствия» Леонида Соловьева, и не были разочарованы. В город, где, казалось, время остановилось в низшей из возможных точек, где люди голодали, грустили и тряслись от страха, въезжал на ишаке человек, умеющий смеяться, и все менялось.

Война, разлука с родными, эвакуация в Среднюю Азию, такую непонятную поначалу, — все требовало каких-то солнечных витаминов дерзости, хохота и удачи, тех самых, которые так щедро разбрасывал со страниц книги и с экрана этот замечательный человек. Не без удивления узнавали мы, что он не то, чтобы жил на самом деле, но все-таки существовал и ранее, о нем рассказывали анекдоты чуть ли не по всему Востоку — мы-то были уверены, что он возник специально для нас, чтобы именно нас подбодрить и сделать преодолимыми наши трудности.

Но мы не те, и Насреддин не тот. Марат Арипов, постановщик и исполнитель главной роли, философичен и нетороплив. Порой он даже меланхоличен: мудрость его обстоятельна, и, вместо неожиданных, разящих реплик он выбирает оружием спокойный, обдуманный розыгрыш. Он, конечно, все равно победит и заставит добро торжествовать, но куда, спрашивается, торопиться?

Все правильно, и сам сюжет «Очарованного принца» выстроен иначе, чем искрометный водопад перипетий «Насреддина в Бухаре». Это — продолжение, и на него распространяется таинственный закон продолжений: все будет похоже, а все равно грустнее, сравните хоть д'Артаньяна из «Трех мушкетеров» с его взрослым однофамильцем двадцать лет

ПРЕМЬЕРА

спустя. Классическим становится открытие, тема, а не разработка.

Насреддин в бедном селении возле украденного у людей горного озера совсем не весел. Он недоумевает: как могут покорно сносить хорошие, трудолюбивые люди издевательство мелкого негодяя? Что, может быть, тот особенно как-то хитер? Увы, он фантастически, непроходимо глуп! Он всего-навсего молчалив и важен — и этого хватает, чтобы трепетали все вокруг.

Ну хорошо. Отнял Насреддин озеро у этого жадного глупца. Но как ввести во владение жителей селения? Отдать им просто, подарить? Но у них нет даже понятия об общей, коллективной собственности.

Приходится ловить воробья, спрашивать, чей он именно. Ничей? Нет, он живет среди ваших домов и принадлежит всем вам. Поняли? Осознали? А вот если я обменяю его у вас на озеро, чье оно будет?..

Ах, посрамить эмира бухарского было в общем-то проще и уж куда веселее, чем медленно, трудно воспитывать достоинство в душах тех, кто привык к рабскому существованию. Вот он и не весел, мудрый Ходжа, что поделаешь.

МЫ СОГЛАШАЕМСЯ с концепцией фильма, но одного согласия мало. Надо же в кого-то тут и влюбиться, иначе не будет удачи у фильма. И где-то во второй серии мы уже твердо знали, в кого мы влюблены.

Это был спутник, помощник и ученик задумчивого Ходжи, Вор из Багдада. В этой роли мы, по-видимому, впервые увидели Сайдо Курбанова.

«На кого он похож?» — спрашивали мы друга и после второй серии, и после третьей. На Буркова? На Юрского? На Миронова?

Да ни на кого он не похож, просто нам легче подходить к новому через что-то знакомое, привычное. От Буркова у него разве что мужественное пренебрежение к внешней красоте. Он смешон и лиричен, Юрский и Миронов тоже умеют достигать этого, но совсем как-то не так.

Он очень неловок в своем халате, трудно поверить, что он такой уж удачливый вор. Но в то же время он необыкновенно пластичен. Пластика и неловкость сочетаются в его экранном бытии как-то очень трогательно, живо, прямо-таки вызывая наше дружелюбие.

Он добр. Не потому, что так положено по сюжету, а потому, что у него такие глаза. Мы можем потешаться над его внешним видом, ведь он без всяких волос на лице и на голове, а вместо чалмы надевает веревку. Можем потешаться, он все равно не обидится: он привык, что сначала над ним смеются.

Он умеет любить. А может воплотить образ ишака, вот только что превратившегося в принца. Может спеть и сплясать, а может смотреть на учителя с видом провинившегося школьника. Только не забудьте: это такой школьник, которого изо всех сил хочется простить, и нет учителя, который устоял бы перед этим желанием.

Наверное, он не целиком умещается в ответственных ему сюжетных обстоятельствах. В нем угадываются еще какие-то неустраиваемые возможности, и хочется представить себе, как бы он носил элегантную одежду. Испарилась бы куда-нибудь его милая неловкость или проявилась бы как-то особенно и неожиданно?

В ОБЩЕМ-ТО это, наверное, самое трудное — передать словами природу и суть обаяния. Все равно что пересказать, в чем дело, когда понравилась мелодия. В первой серии мы, пожалуй, нашли его некрасивым, даже уродливым. Во второй — пригляделись. В третьей обнаружили, что он очень привлекателен, и даже приняли заранее скучать, что вот скоро все кончится и нам предстоит расстаться.

Что ж, выразим пожелание, чтобы расставание оказалось недолгим. Если мы узнаем, что Сайдо Курбанов приехал на гастроли, постараемся понасть в театр. Если снялся в кино, отправимся в кинотеатр. А если опять в телефильме — включим эту программу.

Поблагодарим же таджикских кинематографистов и за добрый фильм (пусть и не совсем такой, как мы предполагали), и за знакомство с хорошими актерами, один из которых приобрел наши особые симпатии.

А. АРОНОВ.